

Р.М. Зиганьшин

ИБ РАН

«Эволюция» магии в конфуцианство

Магией (от греч. *mageia* – колдовство, волшебство) принято называть разного рода обряды, связанные с верой в сверхъестественную способность человека (колдуна, мага) воздействовать на людей и явления природы. Мантика (от греч. *mantike* – искусство прорицания) – это система гаданий и предсказаний, близкая магии и основанная на тех же магических принципах и приёмах, но цель её иная – не вызывать желаемые последствия, а узнать об их наступлении (или ненаступлении) в будущем. Мантика была очень развита в Древней Греции и Древнем Риме как способ познания воли богов. Так же как и в древнем Китае, где древнейшая гадательная практика (и её теория/прототеория) нашла своё отражение и продолжение в *И цзине* («Канон Перемен»).

Отношение к магии и мантике как к элементам человеческих суеверий, заблуждений и предрассудков в современной науке (в т.ч. синологии), предопределяло направление и приоритеты в исследовании этих явлений. Причём, в науке не только в советской, но и в мировой, как тогда называли – «буржуазной». Их влияние на становление и формирование человеческих обществ, начиная с самых древних времён, на культуру и социально-политические особенности этих обществ, крайне недооценивалось. Один из первых западных сиологов, начавших исследование не просто материалов гадательных костей, но самой мантической традиции Шан, профессор Калифорнийского университета Д.Н. Кейтли (D.N. Keightley) полагает, что мы вообще видим китайскую традицию сквозь призму мантики, техника которой наложила отпечаток и на религиозную традицию, и на генезис политических структур китайского государства [2, с. 125].

Л.С. Васильев также считает, что мантика играла очень большую роль в системе шанских религиозных представлений, а затем и вообще в религиозной системе древнего Китая. Шанские гадатели были незаурядными людьми и в отличие от примитивных деревенских колдунов-шаманов, приближались к древнеегипетским жрецам по своему статусу и значению

© Зиганьшин Р.М., 2012

в жизни общества. Во-первых, гадатели были грамотны, т.е. владели системой пиктографического письма, которую, видимо, сами и разработали. Во-вторых, они были причастны к власти, т.е. находились рядом с теми, кто руководил коллективом, и хорошо разбирались в проблемах, стоящих перед шанцами: ведь от правильной формулировки вопроса и интерпретации результатов гадания зависело очень многое. Словом, обряд гадания был делом большого государственного значения, имевшим обстоятельно разработанную систему фиксированных показателей с объективными критериями отсчёта [1, с. 277].

Почему мантика, в лице различных придворных гадателей-прорицателей, стала делом особо государственной важности в традиционном Китае, а магия – нет, хотя император выполнял некоторые функции «мага», точнее верховного жреца, которые мог выполнять только он и никто другой. Этому можно найти вполне рациональное логическое объяснение:

1. Вызвать желаемые явления и события в будущем гораздо труднее, чем «просто» узнать о каких-либо возможных событиях в будущем.

2. Магия, в том виде, в каком мы её себе представляем, свойственна более примитивным обществам, с колдунами, шаманами и т.д.

3. Даже самый сильный и опытный маг вряд ли смеет претендовать на то, что находится в «юрисдикции» высших сил, т.е. изменять будущее.

Последнее простому смертному не дано, какие бы выдающиеся и сверхъестественные способности он ни имел. В лучшем случае, может быть дана способность уметь попросить божество так, чтобы эти просьбы «услышали», или способность узнавать о воле высших потусторонних сил. Последнее гораздо скромнее и не претендует на что-то большее. С древнейших времён система гаданий эволюционировала от простейших форм до сложнейших обрядов, церемониалов, ритуалов высшего государственно-бюрократического уровня.

Возможно, в глубокой древности, в самых «примитивных» обществах не было чёткого разделения на магию и мантику. В религиозных обрядах могли одновременно присутствовать как мольбы-просьбы о благоприятной погоде, удачной охоте, так и действия, направленные на предсказание и изменение будущего. Магия, возникнув, сохранялась и продолжала развиваться на протяжении тысячелетий, пройдя очень длительный путь эволюции. По мере развития общества, магия изменялась сама, приспособляясь к новым «вызовам» и «везениям времени». Это не исключало сохранения магии и мантики в самых простых примитивных формах – как правило, в народной среде, где она продолжала существовать как явление.

Существует мнение, что магия была «изгнана» из оборота среди учёных-конфуцианцев и осталась, таким образом, исключительно в простонародной среде, с её необразованностью и суевериями. Однако я полагаю, что это вовсе не так. Более того, магия получила творческое развитие именно в среде учёных-конфуцианцев.

Казалось бы, соотнесение камлающих шаманов, толкующих вождю и народу волю духов, с конфуцианскими учёными-книжниками, толкующими императору и обществу волю Неба, поверхностно. Но и те, и другие

общаются со сверхъестественной силой, изучают-исследуют (каждые по своему) её волю, а затем, как результат, передают эту волю другим, в этом деле не искушённым. Очень не схожие по форме, те и другие очень похожи по своей сути, по своей роли, выполняемой в обществе. К этой группе при желании можно отнести даосов, буддистов, а также высших иерархов монотеистических религий, как бы последние данным фактом не возмущались. Такой взгляд действительно слишком упрощён и, вообще говоря, любая аналогия, как известно, хромает. Особенно это касается изучения истории, тем более, когда рассматривается такой длительный период.

Тем не менее, я считаю, что прообразом и предшественниками учёных мужей-конфуцианцев послужили маги и шаманы в древнейших обществах и протогосударствах. Как известно, религиозно-мифологическое мышление древних китайцев в лице конфуцианцев эволюционировало в социально-этическую плоскость. Именно благим образом (в частности, просвещением и гуманностью) воздействуя на общество и императора можно «вызвать», как они считали, желаемые явления в государстве в будущем – в отличие от магов-шаманов, которые пытались вызвать желаемые явления, воздействуя на духов, обращаясь с просьбами к богам, тотему и т.д. На эту роль в древнем Китае претендовали также легисты, моисты и представители некоторых других школ. У даосов и буддистов в общем был смещён акцент с общественного на личное «спасение», путем самосовершенствования и достижения просветления.

Согласно традиционному китайскому мировоззрению, на «потусторонний» мир оказывает прямое воздействие мир «посюсторонний», и наоборот. Магия в лице конфуцианства переместилась из сферы воздействия на иной мир (божеств и духов) на этот мир – в сугубо социальную, светскую сферу. Последняя, конечно же, является продолжением и воплощением «иног» мира на земле. И вряд ли древние люди чётко разграничивали сакрально-божественно-духовное и светское профанное. Учитывая, что само государство у китайцев в высшей степени сакрализовано, то и служение государству относилось к высшей сакральной магической сфере. А различные духи, к этой сфере не относящиеся, «вытесняются» в область суеверий и предрассудков и находятся в подчинённом, зависимом, более слабом положении. С ними простой чиновник может легко справиться, зачастую благодаря своим государственным (а значит священным) атрибутам и символам, например – служебной печати.

Таким образом, систему служения учёных-конфуцианцев, состоящих на государственной службе в традиционном Китае можно считать своеобразно эволюционировавшей магией. Причём, именно магией (а не мантикой, также занимавшей важное место в государственно-бюрократической системе), так как здесь имеет место прямое влияние на мир, его изменение, вызывание желаемого результата путём просвещения народа и разъяснения ему и правителю воли Неба. То есть путём воздействия на *этот* мир, а не на *тот* – следуя *дао* и *дэ*. Фактически произошёл перенос понятий (категорий) *дао* и *дэ* с космической натурфилософской плоскости в социально-политическую. Эти две плоскости, или сферы, конечно же,

составляли в сознании и миропредставлении древних китайцев единое неразрывное целое. Поэтому в сознании людей, видимо, не происходила революционная переориентация с чего-то одного на что-то другое. Такой перенос акцентов не повлиял на натурфилософское миропредставление, нашедшее концентрированное выражение в даосизме, хотя, возможно, сказался на переоценке ценностей, точнее – на изменении приоритетов.

В развитие данной темы, хотелось бы задать вопрос: что в традиционном Китае представляло из себя жреческую, а что светскую власть, и было ли такое разделение вообще? С одной стороны, высшие жреческие ритуально-сакральные функции выполнял сам император – «сын Неба». С другой – сугубо «жреческо-шаманские» функции выполняли конфуцианцы, толкующие императору и всему обществу волю Неба. Таким образом, в традиционном Китае было своеобразное «смещение» или совмещение духовной и светской власти, когда сам император и конфуцианцы-чиновники каждые по своему воплощали в себе две эти ветви власти.

Можно также несколько по-другому посмотреть на рассматриваемую в статье проблему. Человеку издревле свойственно что-то желать и самыми различными способами достигать желаемое. Магия и «добродетельное правление», с такой точки зрения, – лишь разные варианты одного и того же явления. Таким образом, здесь конфуцианство выступает продолжением и своеобразным перевоплощением магии, и, наряду с последней, одним из способов воплощения в жизнь человеческих желаний и устремлений.

Литература

1. *Васильев Л.С.* История религий Востока. М.: Книжный дом «Университет», 2001.
2. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Ин-т Дальнего Востока. Т. 2: Мифология. Религия / ред. *М.Л. Титаренко* и др. – М.: Вост. лит., 2007.